3. Ahiezer A. S. Migracija v rossijskoj istorii // Politija. 2004. № 4. S. 69–76.

4. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy). M. : Mezhdunar. otnoshenija, 2010.

5. Vasilenko I.A. Geopolitika sovremennogo mira. M.: Izd-vo «Jurajt», 2010.

6. Minenko N.A. V dolg bez raspiski // Rodina. 2000. № 5. S. 120.

7. Pajps R. Rossija pri starom rezhime. M. : Zaharov, 2004. S. 17, 27, 35.

8. Petrova I.A. Rossija v jetnicheskom vremeni. Volgograd, 2000.

9. Kibasova G.P. Jetnicheskoe prostranstvo. Volgograd, 2004.

10. Rossijskij staryj porjadok: opyt istoricheskogo sinteza: кruglyj stol // Otechestvennaja istorija. 2000. № 6. S. 55–56.

11. Rjegsdejl H. Otvety na zamechanija V.N. Vinogradova po povodu knigi «Russkaja tragedija: bremja istorii»// Novaja i novejshaja istorija. 1999. № 4. S. 187–192.

12. Trejvish A., Shuper V. Prostranstvo Rossii: bogatstvo ili bremja // Znanie – sila. 1993. Mart. S. 91.

13. Cimbaev N.I. Do gorizonta – zemlja! (K ponimaniju istorii Rossii)// Voprosy filosofii, 1997. № 1. S. 18–42.

14. Shelegina O.N. Adaptacija russkogo naselenija v uslovijah osvoenija territorii Sibiri. Vyp. 2. M., 2002. S. 18.

Russia: history of spaces

Migrations played a special role in the history of Russian people. They influenced greatly the objective and subjective manifestations of their lives and self-actualization. During its history Russian ethnos increased its settlement territory carrying out the historical mission of "developing of remote areas". In Russian colonization both state and Russian ethnos played the equal role.

Key words: *Russian history, history of Russian people, history of state, colonization, geopolitics.*

(Статья поступила в редакцию 4.02.2015)

Н.Б. КРЫЛОВА
(Волгоград)

ПРОЕКТ АДРИАТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АДМИРАЛА П.В. ЧИЧАГОВА В 1812 г.

Описывается проект адриатической экспедиции как один из аспектов подготовки России к Отечественной войне 1812 г. и русско-французской борьбы за союзников, в том числе Австрию.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., внешняя политика России, русско-австрийские отношения.*

Весной 1812 г. в Европе сложилась предвоенная обстановка, война между Россией и Францией представлялась неизбежной. Обе империи вели не только военно-техническую подготовку, но и активную дипломатическую борьбу за союзников [4, с. 147–148]. Среди возможных союзников французский и российский императоры рассматривали и Австрийскую империю, которая обладала значительным военным потенциалом и граничила с Россией. Несмотря на приложенные усилия, России не удалось склонить Австрию на свою сторону и заключить с ней военно-политический союз. 2 (14) марта 1812 г. был заключен франко-австрийский союзный договор, секретные статьи которого предусматривали участие в войне на стороне Наполеона 30-тысячного австрийского корпуса. Заключение этого союза поставило перед российским правительством задачу обезопасить юго-западную границу и максимально ограничить участие Австрии в войне против России.

В условиях осложнившейся международной обстановки российская сторона с апреля 1812 г. активизировала деятельность своей разведки. Главными ее координаторами были военный министр, командующий 1-й Западной армией генерал М.Б. Барклай де Толли, командующий 2-й Западной армией генерал П.И. Багратион и главнокомандующий Дунайской армией адмирал П.В. Чичагов.

От своих агентов, находившихся в Австрии, русское правительство получило сведения о сосредоточении в Галиции двух (60 тыс. человек) и в Трансильвании – одного (20 тыс. человек) корпусов. Разведчики сообщали и о других военных приготовлениях: перемещениях войск [1, д. 11618, л. 240–

© Крылова Н.Б., 2015

240 об.], строительстве укреплений [14, д. 3467, ч. 1, л. 120], подвозе вооружений и боеприпасов, конфискации продовольствия [Там же, д. 3475, л. 4– 4 об., 23 об. – 24]. «Приготовления Австрии начинают принимать все более серьезный характер», – констатировал русский посланник в Вене Г.О. Штакельберг [1, д. 1987, л. 34 об.]. Все это доказывало, что Австрия готовится к войне против России.

Своевременная информация позволила русскому правительству провести ряд крупных оборонительных мероприятий. В мае 1812 г. в короткий срок была создана 3-я Западная армия под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова. Она насчитывала около 50 тыс. солдат и офицеров и имела 168 орудий. В ее задачу входило прикрытие русско-австрийской границы. На территории Украины спешно формировался 2-й резервный корпус численностью в 35 тыс. человек. В Валахии размещалась Дунайская армия, располагавшая 57 тыс. солдат и 202 орудиями. Были приведены в боевое положение пограничные крепости и Дунайская военная флотилия, насчитывавшая более 10 тыс. матросов [9, с. 48].

Одновременно петербургский кабинет принял решение провести ряд внешнеполитических акций с целью обезопасить юго-западные границы страны. До заключения франко-австрийского союза русское правительство планировало направить Дунайскую армию в глубокий тыл наполеоновской армии – на побережье Адриатического моря [10, с. 53]. Вступление Австрии в антироссийскую коалицию заставило изменить направление удара. Теперь Дунайская армия должна была вторгнуться в пределы Австрийской империи и поднять на борьбу славянские народы и венгров, а уж затем двинуться на Адриатику. Царское правительство, следовательно, предполагало взорвать многонациональную монархию изнутри, используя широкое недовольство имперским правительством славян и венгров.

Судя по документам, впервые идея адриатической экспедиции была высказана императором в марте 1812 г. В письме П.К. Сухтелену 24 марта (5 апреля) Александр I писал о «великом плане объединения славян с целью диверсии против Австрии и французских владений на Адриатике; …вооружить славянских дезертиров» [11, с. 110].

Проведение диверсии на территории Австрии Александр I поручил адмиралу П.В. Чичагову, получившему от императора широкие полномочия. Помимо командования Дунайской армией, которую он возглавил в мае 1812 г., П.В. Чичагов являлся «главным начальником» над Черноморским военно-морским флотом и верховным правителем княжеств Молдавии и Валахии, «как равно и в тех странах, могущих быть заняты армиею, ему вверенною» [2, л. 13]. В именном рескрипте Александр I предоставил П.В. Чичагову право «в знак особого благоволения и доверенности» быть независимым «от всякой власти, кроме монаршей» и по всем вопросам «относиться прямо» к императору [6, с. 28]. Любопытно, что ни в инструкции императора П.В. Чичагову, ни в приказе о его назначении главнокомандующим Дунайской армией об этих правах ничего не говорилось. Видимо, царь не желал придавать широкой огласке факт наделения П.В. Чичагова такими широкими полномочиями. Отсюда понятно, почему адмирал не всегда выполнял распоряжения М.Б. Барклая де Толли и других представителей власти и по всем вопросам обращался непосредственно к Александру I.

Задачи Дунайской армии были определены Александром I в ряде документов. Так, сообщая 7 (29) апреля М.Б. Барклаю де Толли о назначении П.В. Чичагова на пост главнокомандующего Дунайской армией, царь подчеркивал, что его задача заключается в том, чтобы «отразить усилия Австрии против России подкреплением славянских народов и доставлением им возможности соединиться с недовольными венгерцами» [3, с. 445]. Об этом же он писал 9 (21) апреля 1812 г. и наследному принцу Швеции Бернадоту [15, с. 6–7].

Далеко не все в высших политических и военных кругах России разделяли оптимизм императора относительно планировавшейся диверсии. Так, генерал А.Ф. Ланжерон 4 (16) июня 1812 г. в письме советнику Александра I Л.Л. Беннигсену скептически писал: «Эта диверсия ни малейшим образом не расстроит планов Наполеона», а произведенный в лучшем случае переворот, «по моему мнению, не будет прочным» [7, с. 107]. Л.Л. Беннигсен, передавая письмо А.Ф. Ланжерона Александру I, сопроводил его своими замечаниями, где также высказался за отказ от диверсии, т. к. «нельзя, по-видимому, …ожидать от нее благоприятных результатов» [Там же, с. 109–110].

Подробный план борьбы против Австрии и Франции с помощью славянских народов и венгров Александр I изложил в своей инструкции П.В. Чичагову, датированной 9 (21) апреля 1812 г. [5, с. 363–365]. В ней император сформулировал две основные внешнеполитические

задачи, которые предстояло решить П.В. Чичагову на юго-западе Европы. Во-первых, способствовать немедленному заключению мира с Турцией. Эту задачу царь прямо связывал с «коварным поведением Австрии, соединившейся с Францией». Из-за «переменившихся отношений наших с двором австрийским» [5, с. 363–364] Александр I требовал заключить с Турцией и союзный оборонительный договор.

Во-вторых, предполагалось вооружить и двинуть «тамошние» славянские народы против Австрии и Франции. Кроме славян, Александр I повелевал привлечь и венгров. «Все сии народы, – говорилось в инструкции, – в соединении с нашими регулярными войсками составят ополчение довольно огромное, чтобы не только противустать замыслам Австрии, но и произвесть сильную диверсию на правом фланге французских владений» [Там же, с. 363]. Для привлечения на свою сторону славянских народов предполагалось использовать разнообразные средства: «...обещание им независимости, установление славянского царства, награждение людей, имеющих между ними влияние, деньгами, знаками отличия…». Царь перечислил славянские народы, которые следовало вооружить: «сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, хорватов, иллирийцев» [Там же, с. 364]. В архиве РАН в фонде историка В.И. Семевского хранятся «Первые мысли для инструкции новому главнокомандующему Дунайской армией». Документ написан собственноручно Александром I карандашом и включает в себя основные положения, которые нашли свое развитие в инструкции императора П.В. Чичагову от 9 (21) апреля 1812 г. [2, л. 13–14].

План военного похода армии П.В. Чичагова предусматривал сначала захват Боснии, Далмации и Хорватии, а затем движение русских войск и местного ополчения к Адриатическому побережью на Триест и Фиуме. Александр I и П.В. Чичагов предполагали даже совместные действия с английским флотом и перенос военных действий в Тироль и Швейцарию [1, д. 1998, л. 12–13]. П.В. Чичагов в письме Г.О. Штакельбергу от 14 (26) июня 1812 г. изложил основные пункты предполагаемого движения Дунайской армии. «Я буду стараться не быть обидчиком по отношению к австрийцам и употреблю всяческую осторожность по отношению к ним», – писал П.В. Чичагов российскому посланнику Там же, л. 12].

Полученные из Австрии агентурные сведения вселяли надежду на успех диверсии. «Правительство австрийское имеет недоверие к венгерцам, и последний их сейм кончился 23 мая без всякого действия» [12, т. 13, с. 101], – доносил неизвестный агент, имея в виду заседание сейма, отказавшего выделить войска в корпус К. Шварценберга на том основании, что по венгерской конституции Венгрия должна была выставлять войска только в случае нападения на Австрийскую империю. «Венгерцы крайне упорствуют в принятии сделанных им предложений, – сообщала разведка. – Они не отрекаются спомоществовать нуждам государственным, но совсем на других правилах» [14, д. 3475, л. 25 – 25 об.]. Упорное сопротивление подготовке к войне с Россией оказывали украинцы Галиции, Буковины и Закарпатья.

Австрийские власти усилили охрану своей границы, ввели во многие села и деревни воинские команды, организовали патрулирование по наиболее важным дорогам [12, т. 12, с. 279]. «Все это ничто иное значит, – резюмировал русский разведчик-резидент капитан К. Гирс, – как осторожность правительства против жителей Галиции, которые … весьма ясно обнаруживают свое неудовольствие» [Там же, с. 337].

П.В. Чичагов рассчитывал на поддержку своих действий антифранцузской оппозицией, существовавшей в австрийских провинциях, особенно в Иллирии и Хорватии. Однако он считал, что в деле возмущения «предрасположенных к восстанию» народов следует действовать с «деликатностью, благоразумием и неразглашением» секретов [1, д. 1998, л. 12 – 12 об.]. На основании агентурных сведений автор «Памятной записки об обороне западной границы России» (составлена 30 мая (11 июня) 1812 г.) пришел к выводам, что население Австрии не желает поддерживать Наполеона, «хотя кабинет вынужден следовать французской политике», что «венгерцы абсолютно отказываются поддерживать австрийское правительство [12, т. 12, с. 286–287].

Реальней оценивал политическую обстановку в Австрийской империи российский посланник в Вене Г.О. Штакельберг. В своем донесении канцлеру Н.П. Румянцеву от 24 мая (5 июня) 1812 г. он сообщал, что «основная часть нации» недовольна вступлением Австрии в союз с Францией, в то же время указывал, что в империи имеется «могущественная партия», которая поддерживает этот союз, и выражал сомнения в возможности поднять славянские народы на восстание против своего правительства [5, с. 748–749].

Адмирал П.В. Чичагов был обеспокоен военными приготовлениями в Австрии. 13 (25)

мая 1812 г. он писал возглавлявшему 3-ю Западную армию А.П. Тормасову: «Настоящее поведение Австрии заставляет нас озабочиваться. По дошедшим до меня сведениям, австрийцы начинают делать движения, из которых примечаются приуготовления к их неприязненным противу нас действиям» [12, т. 12, с. 212]. П.В. Чичагов предлагал предпринять меры предосторожности на случай внезапного нападения со стороны Австрии и наладить взаимодействие двух армий [Там же, с. 272]. Почти одновременно с этим письмом, 12 (24) мая 1812 г., военный министр уже направил А.П. Тормасову предписание, в котором приказал ему «наблюдение австрийцев» [8, с. 653].

Стремясь иметь в своем распоряжении как можно более полную информацию о развитии событий в районах предполагавшейся диверсии, П.В. Чичагов сообщил о ней русскому посланнику в Вене Г.О. Штакельбергу. Адмирал просил главу дипломатического представительства направлять ему сведения различного рода: «статистические, политические и военные отчеты о Венгрии, Банате, Трансильвании. …Особенно те, что касаются содержания армии» [1, д. 1998, л. 6 – 6 об.]. Испытывая потребность в надежной агентуре, он надеялся получить ее от Г.О. Штакельберга. «Если этих связей нет, – писал П.В. Чичагов, – можем ли мы их заиметь, пока Вы находитесь в Вене?» [Там же, л. 6]. Особо адмирал подчеркнул интерес к общественному мнению в Австрийской империи, прежде всего в Венгрии.

Между П.В. Чичаговым и Г.О Штакельбергом шла довольно активная переписка. Посланник информировал адмирала о политических и военных новостях. Так, 25 мая (6 июня) [1, д. 1997, л. 8– 8 об.] Г.О. Штакельберг сообщал сведения о положении в Венгрии и Трансильвании; решениях венгерского сейма в Братиславе, вновь отказавшего Вене в финансовой помощи; воинских контингентах в приграничных провинциях. Австрийское правительство испытывало серьезные трудности в комплектовании войск на смену корпусу К. Шварценберга в Галиции. Финансовое положение империи делало почти невозможным формирование резервов: из необходимых 30 тыс. человек в начале июня полностью вооруженными были только 14 тыс. солдат [Там же, д. 1998, л. 8].

Русское правительство постоянно получало из Австрии сведения о подготовке к войне вспомогательного корпуса, предоставленного Наполеону в соответствии с договором 14 марта 1812 г. Эта информация поступала от Г.О. Штакельберга и широкой сети агентов: о назначении К. Шварценберга командующим корпусом, формировании его штаба [Там же, 1987, л. 75 об. – 76], задачах австрийских войск в составе Великой армии [Там же, д. 11620, л. 65], недостатках в снабжении корпуса всем необходимым, в том числе обувью [Там же, л. 104–105].

Итак, обеспокоенное установлением между Австрией и Францией союзнических отношений, русское правительство предприняло ряд конкретных мер, направленных на смягчение для России его последствий. Эти меры носили как дипломатический, так и превентивный военный характер. Военные мероприятия имели целью не только укрепление русско-австрийской границы, но и дестабилизацию внутреннего положения в самой Австрийской империи.

В течение апреля – июля 1812 г. в Петербурге, Вене и Вильно велись секретные русско-австрийские переговоры с участием императоров двух государств Александра I и Франца I, глав внешнеполитических ведомств Н.П. Румянцева и К. Меттерниха, российских и австрийских дипломатов. Их результатом явилось заключение тайного взаимовыгодного соглашения, которое, вопреки стремлению российской стороны, так и не было оформлено в письменной форме, однако, несмотря на это, имело большое значение. Достигнутая договоренность ограничила участие Австрии в войне против России силами 30-тысячного корпуса. Обе стороны обязались не нарушать общую границу, что обеспечило безопасность юго-западной границы России протяженностью около 800 верст.

В результате соглашения правительство России внесло существенные изменения в военно-стратегический план. В письме от 7 (19) июня адмиралу П.В. Чичагову Александр I отмечал: «Австрия ограничится тем, что введет в действие только те 30 тыс. человек, которые она обязана предоставить Наполеону против нас. Если мы не будем нападать на Австрию с какой-либо другой стороны, то война будет идти только на одном участке; Австрия заверяет нас в спокойствии на всей остальной нашей границе, принимая на себя обязательство не приводить в движение всей основной массы своих войск» [6, с. 57–58]. Далее царь предписывал адмиралу готовиться к осуществлению диверсии в Боснию и Далмацию, т. е. вернуться к первоначальному варианту адриатической экспедиции.

Русский разведчик полковник Ф.В. Тейль 12 (24) июня, в день начала Отечественной войны, сообщал М.Б. Барклаю де Толли

о том, что предполагавшаяся диверсия в Австрии невозможна по следующим причинам: во-первых, венгры на основе своей конституции будут вынуждены взяться за оружие, во-вторых, природные условия Трансильвании значительно затруднят ведение боевых действий [14, оп. 1, д. 115, л. 1–3 об.]. Рапорт Ф.В. Тейля М.Б. Барклай де Толли переслал Александру I, который признал его доводы резонными. В послании П.В. Чичагову от 30 июня (12 июля) царь писал: «Прилагаю письмо полковника Тейля, которое мне кажется довольно разумным» [6, с. 79].

На второй день войны Александр I указывал П.В. Чичагову: «...следует пощадить Австрию, чтобы не создать себе из нее врага, более опасного сравнительно с тем, каким она представляется в настоящее время». Сообщив о том, что венский двор выставил Наполеону 30-тысячный корпус, и что он «уже двинулся в герцогство Варшавское», что соответствовало заключенному русско-австрийскому соглашению, царь заключил: «...таким образом, на границе Галиции нас не будут тревожить некоторое время… Вы можете быть спокойны со стороны Трансильвании и Венгрии» [13, с. 218–219]. Тем самым Александр I отказался от планировавшейся ранее диверсии в Австрию.

В ответном послании от 29 июня (11 июля) П.В. Чичагов предлагал императору атаковать Константинополь (в российской официальной переписке использовалось прежнее название города) и принудить Турцию силой оружия заключить союз с Россией. Воинственное настроение адмирала не на шутку встревожило Александра I. По существу, П.В. Чичагов предлагал вести неограниченную войну не только с Турцией, но и с Австрией. «Приняв такое решение, не увеличим ли мы этим без всякого повода наше затруднительное положение? – задавал царь риторический вопрос своему фавориту в письме от 6 (18) июля. – Австрийцы, выставившие в настоящее время в поле всего 30.000 человек, видя, что Оттоманской империи угрожает серьезная опасность, будут принуждены, если не по собственному желанию, то, несомненно, по желанию императора Наполеона, выставить все силы, чтобы предупредить эту опасность». Император предлагал П.В. Чичагову, оставив часть войск для прикрытия русско-турецкой границы, с основными силами своей армии выступить на Волынь для участия в борьбе против наполеоновской армии [Там же, с. 220–221].

Свое окончательное решение об отношении к Австрии Александр I изложил в письме П.В. Чичагову от 18 (30) июля: «...что касается австрийцев, то надобно будет не трогать их до тех пор, пока они сами не дадут на это права своим поведением» [Там же, с. 221].

Таким образом, планировавшаяся российским правительством адриатическая экспедиция в условиях подготовки к Отечественной войне 1812 г. сначала видоизменилась в план диверсии Дунайской армии на территории Австрийской империи, а затем, под влиянием изменившейся позиции венского двора, и вовсе была отменена. Петербургский кабинет отказался от диверсии в Австрии, принял обязательство не нарушать ее границу и сохранить целостность империи, а это означало, что при любом исходе войны Галиция, Буковина и Закарпатье должны были остаться под властью венского двора.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468.

2. Архив Российской академии наук. Ф. 489 (Семевский В.И.). Оп. 1. Д. 33.

3. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859.

4. Болотова Е.Ю. Актуальные проблемы российской истории на страницах журнала «Известия ВГПУ» (обзор публикаций за 2003–2012 гг.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 10.

5. Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы Рос. м-ва иностр. дел. Сер. первая. 1801–1815 гг. Т. 6. М., 1962.

6. Горяинов С. 1812 год: Документы Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов. Ч. 2. Подлинные документы. СПб., 1912.

7. Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 г. // Русская старина. 1909. Июль.

8. Из секретной переписки М.Б. Барклая де Толли в 1812 году // Русская старина. Т. 99. СПб., 1899.

9. История Украинской ССР. Т. 4. Киев, 1983.

10. Казаков Н.И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны: сб. ст. М., 1962.

11. Николай Михайлович [Романов], великий князь. Император Александр I. Т. 1. СПб., 1912.

12. Отечественная война 1812 г.: материалы Военно-ученого архива. Т. 12. СПб., 1910; Т. 13. СПб., 1911.

13. Пять собственноручных писем императора Александра I // Русская старина. 1902. № 1.

14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Ф. 263.

15. Correspondance inédite de l'empéreur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Paris, 1909.

* * *

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. F. 133. Kanceljarija. Op. 468.

2. Arhiv Rossijskoj akademii nauk. F. 489 (Semevskij V.I.). Op. 1. D. 33.

3. Bogdanovich M.I. Istorija Otechestvennoj vojny 1812 g. po dostovernym istochnikam. T. 2. SPb., 1859.

4. Bolotova E.Ju. Aktual'nye problemy rossijskoj istorii na stranicah zhurnala «Izvestija VGPU» (obzor publikacij za 2003–2012 gg.) // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2012. № 10.

5. Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX vv. : Dokumenty Ros. m-va inostr. del. Ser. pervaja. 1801–1815 gg. T. 6. M., 1962.

6. Gorjainov S. 1812 god: Dokumenty Gosudarstvennogo i Sankt-Peterburgskogo glavnogo arhivov. Ch. 2. Podlinnye dokumenty. SPb., 1912.

7. Zapiski grafa L.L. Bennigsena o kampanii 1812 g. // Russkaja starina. 1909. Ijul'.

8. Iz sekretnoj perepiski M.B. Barklaja de Tolli v 1812 godu // Russkaja starina. T. 99. SPb., 1899.

9. Istorija Ukrainskoj SSR. T. 4. Kiev, 1983.

10. Kazakov N.I. Proekt privlechenija narodov Balkanskogo poluostrova k bor'be protiv napoleonovskoj agressii v 1812 g. // 1812 god: k 150-letiju Otechestvennoj vojny: sb. st. M., 1962.

11. Nikolaj Mihajlovich [Romanov], velikij knjaz'. Imperator Aleksandr I. T. 1. SPb., 1912.

12. Otechestvennaja vojna 1812 g.: materialy Voenno-uchenogo arhiva. T. 12. SPb., 1910; T. 13. SPb., 1911.

13. Pjat' sobstvennoruchnyh pisem imperatora Aleksandra I // Russkaja starina. 1902. № 1.

14. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F. Voenno-uchenyj arhiv (VUA). F. 263.

15. Correspondance inédite de l'empéreur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Paris, 1909.

Project of the Adriatic expedition of the admiral P.V. Chichagov in 1812

There is considered the project of the Adriatic expedition as one of the aspects of preparation of Russia for the Patriotic War of 1812 and Russian and French fight for confederates, including Austria.

Key words: *Patriotic War of 1812, foreign policy of Russia, Russian-Austrian relations.*

(Статья поступила в редакцию 14.01.2015)

Е.В. КОМИССАРОВА
(Волгоград)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Расмотрена региональная специфика истории развития театрального искусства в контексте социально-культурной динамики конца XIX – начала XXI в.

Ключевые слова: *культура, театральное искусство, традиции, художественное творчество, народный театр, инициатива.*

Театр как феномен мировой художественной культуры, формировавшийся на всех стадиях ее развития, характеризуется как общими, так и специфическими национальными и региональными чертами. Театр – это род искусства, особенностью которого является художественное отражение явлений жизни посредством драматического действия, возникающего в процессе игры актеров перед зрителями. Истоки театра – в древних охотничьих игрищах, аграрных культах, массовых народных обрядах [33]. В ходе исторического развития определились три основных вида театра, отличающиеся специфическими признаками и средствами художественной выразительности – драматический, оперный и балетный [34].

Развитие русского театрального искусства складывается из двух составляющих, связанных с народной традиционной культурой и проникновением европейских культурных институтов вследствие модернизации XVIII в. XIX век – период интенсивного развития театрального искусства в России [5]. К 1830–1840-м гг. в России существенно увеличивается число провинциальных театров. В пореформенный период социально-экономическое развитие регионов стимулировало инициативы по созданию культурных институтов в провинции. Периодом расцвета российского драматического театра стал рубеж XIX–XX вв. – время становления новой театральной эстетики, которая поначалу соответствовала духу революционных социальных преобразований.

После революции 1917 г., поменявшей весь жизненный уклад России, начался новый этап и в театральной жизни страны: если пре-

© Комиссарова Е.В., 2015